

Отзыв

официального оппонента доктора филологических наук, доцента

Аверкиной Светланы Николаевны

о диссертации Туляковой Натальи Александровны

«Поэтика и эволюция жанра литературной легенды»,

представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.2. *Литературы народов мира* (филологические науки)

Диссертационное исследование Натальи Александровны Туляковой посвящено фундаментальным проблемам поэтики жанра литературной легенды. Автор обращается к широкому корпусу текстов, созданных, преимущественно, в XIX столетии, когда традиционные представления о литературном каноне претерпевали серьезные изменения (С. 5). Тулякова Н.А. уделяет внимание также проблеме *эволюции* жанра в широком культурно-историческом контексте и указывает перспективы развития *жанрового потенциала* легенды.

Актуальность исследования связана с необходимостью комплексного, методологически обоснованного *анализа* литературной легенды в системе малых прозаических жанров в разных национальных литературах и *гармонизации терминологии исследуемой предметной области*.

Важно отметить также очевидное **новаторство** работы: несмотря на изученность некоторых отдельных аспектов жанрологии, поэтики эпох и творчества изучаемых авторов (Г.А. Беккера, В. Гюго, Н. Готорна, В. Ирвинга, Г. Келлера, А. Стриндберга, М. Твена, А. Франса и др.), предложенный Туляковой Н.А. ракурс открывает перспективу осмысления роли легенды в *формировании литературного процесса в целом*; систематизированного исследования, посвященного данному вопросу, пока не существует. В перспективе можно было бы создать словарь сюжетов и образов, характерных для литературных легенд Нового и Новейшего времени: в работе собран богатый

материал; исследовательница демонстрирует склонность к высокой степени обобщения, способность анализировать и описывать модели, жанровые фреймы и классифицировать явления: например, на С. 172-173 приведена типология героинь и героев легенд, их поступков, описываемых перипетий, вариантов кульминаций и развязок; на С. 179 представлена типология локусов в исследуемых текстах; на С. 200 – способы включения в текст метаповествовательных элементов; на С. 203 рассмотрены возможности репрезентации природы и разных вариантов изображаемого пространства – природа противопоставляется жилищу по множеству признаков (С. 284-285). Этот ряд можно продолжить.

Диссертация Туляковой Н.А. отличается четкой **структурой**, состоит из трех глав, в каждой из которых материал рассматривается под новым теоретическим углом. При этом в фокусе исследования оказываются не только тексты с жанровым маркером «легенда», но и произведения, не имеющие данного идентификатора (первая глава), но соответствующие модели жанра. Поэтические и драматические тексты, упомянутые, но не исследованные в работе, также могут стать предметом дальнейшего изучения.

Во введении, определяются объект и предмет исследования, предлагается **гипотеза** о том, что литературная легенда является *самостоятельным* жанром в литературе XIX в., имеющим устойчивый набор содержательных признаков и формальных черт; определяется **цель** исследования, которая достигается в работе в полном объеме, а поставленные **задачи** (определить конститутивные и вариативные признаки литературной легенды и описать модель жанра литературной легенды; установить признаки жанра, обладающие дифференциальной силой; охарактеризовать особенности бытования литературных легенд в XIX в. как самостоятельного произведения, в составе разного рода циклов, как крупного эпического произведения) успешно решаются в процессе анализа взятых в качестве материала текстов.

Методологическая основа исследования представляется убедительной.

Тулякова Н.А. ясно выстраивает линию аргументации, основываясь на работах формалистов, концепции М.М.Бахтина, трудах представителей и последователей школы исторической поэтики, ученых-компаративистов и создателей когнитивной теории жанра. Число ссылок на авторитетные источники превышает 1200 позиций, а спектр затрагиваемых вопросов выходит далеко за пределы обозначенной темы. Автор демонстрирует знание исторического и философского контекстов, владение принципами лингвистического анализа, умение анализировать тексты на языке оригинала.

В первой главе **«Признаковое поле литературной легенды и модель жанра»**, посвященной, в первую очередь, выбору алгоритма анализа жанра, представлено многообразие взглядов на проблему определения данного термина и выделения четких критериев, позволяющих назвать тот или иной текст легендой. Наталья Александровна рассматривает порой противоречащие друг другу идеи (в ряде подразделов, например, 1.2. **«Атрибуция жанра»** Тулякова Н.А. приходит к отрицательному выводу), что не мешает логике построения теоретической линии исследования, напротив, позволяет более четко аргументировать выбор изучаемого материала: в фокусе внимания в практической части работы (вторая и третья главы) оказываются лишь те тексты, в которых жанровая принадлежность маркирована в названии («<...> самая сильная позиция для жанрового идентификатора – позиция заглавия или подзаголовка», С. 113).

Подобная логика снимает один из основных вопросов, который может возникнуть при обсуждении концепции работ такого типа: что является критерием выбора произведений для пристального анализа. И именно в первой главе, параллельно с последовательным определением теоретических установок, представлена приведенная в систему картина формирования жанра.

Многие тексты, приведенные Туляковой Н.А., мало известны, забыты, упоминаются лишь в специальной литературе, что не отвлекает от основной линии исследования.

В первой главе создается *фундамент*, на котором строятся следующие части работы. Это оправдывает необходимость «плотного» представления необходимых для описания эволюции жанра фактов: автор обращается к ветхозаветным, античным, средневековым циклам; упоминает произведения *исторического* (легенды о Карле Великом, короле Роберте, Ричарде Львиное Сердце, Наполеоне, Франциске Ассизском) и *фольклорного* характера (циклы о короле Артуре, Робине Гуде, Големе), приводит примеры *экзотических* легенд, связанных с индейской, индийской, африканской, азиатской мифологией, с определенной *местностью* (см. «Камни Венеции» Дж. Рёскина (1851-1853), «Легенды Крыма» В. Кондараки (1883), «Литовские легенды» Е. Вольтера (1890), «Могила Асиза» В. Шуфа (1895), бретонские и рейнские легенды), *легендарным героем* (см. «Рейвенкорт» Г. Уинна (1843), «Мартирии: легенда, в которой содержатся гомилии, беседы и происшествия из времен правления Эдуарда VI» У. Маунтфорда (1801)), определенным *типом героев* (см. «Мисс Килмансегг и ее драгоценная нога: золотая легенда» Т. Гуда (1842), «Древняя истории старой дамы и ее свиньи: легенда об упрямстве, показывающая, как оно стоило даме спокойствия, а свинье хвоста» Дж. Лейтона (1847), «Легенда о старом бедолаге» Дж. Дорана (1858)).

Автор уделяет внимание легендам, возникшим в периоды, так называемых, национальных возрождений (скандинавского, кельтского, уэльского, галльского, германского).

Удачным представляется параграф «**Жанровое обозначение легенда в синхронии и диахронии**»), имеющий подразделы, в которых рассмотрены особенности статуса термина *легенда* в англоязычном, франкоязычном, немецкоязычном и русскоязычном языковых дискурсах.

Тулякова Н.А. работает со словарями и достаточно «рискованно» выходит на большую проблему: у слова и концепта *легенда* в разных лингвокультурах есть несовпадения, требующие тончайших разъяснений на материале той или иной

национальной литературы. Автор, по нашему мнению, справляется с поставленной задачей.

В параграфе представлены также *конкурирующие термины*: песня, былина, сага, повесть, сказание, видение, былина, предание, фабула, комический вариант легенды (анекдот, байка), что позволяет указать на существование дополнительных сложностей в описании модели жанра.

Описав проблему *многообразия* подходов к определению параметров жанра легенды, в параграфе «**Эволюция литературной легенды в европейской литературе XIX в.**») Тулякова Н.А. рассматривает *единство* процесса ее формирования в разных национальных литературах, а в подразделе «**Жанровая модель литературной легенды**» описывает конститутивные (ядерные) и вариативные признаки жанра и типичное для него *мироотношение* (М.М. Бахтин, Л. Витгенштейн). Этот термин является очень важным для понимания концепции работы.

Делается вывод о том, что жанровая поэтика вплоть до эпохи сентиментализма была преимущественно прескриптивной (развитие и трансформации жанров происходили на фоне известных правил), а в эпоху Нового времени жанровый канон утратил стабильность, поэтому *литературная* легенда XIX столетия, как и другие молодые жанры, не имеет *четкого* канона (С. 112).

В подпараграфе «**Литературная легенда: конститутивные признаки**», в котором анализируются «Легенда о Доне Родриго» из «Легенд завоевания Испании» В. Ирвинга (1829), «Братство Толстой Морды. Брабантская легенда» из «Фламандских легенд» Ш. де Костера (1858), «Маленькая легенда о танцах» из цикла «Семь легенд» Г. Келлера (1872), «Мертвые боги. Тосканская легенда» из книги «Грезы и тени. Книга легенд» А.В. Амфитеатрова (1896), автор намеренно сужает задачу, суммируя обобщенные представления об исследуемом феномене, которое можно принять за условную основу для дальнейших рассуждений: легенда определяется Туляковой Н.А. как текст *небольшого объема*, для которых

характерна тенденция к включенности в сверткстовое единство (сборник, цикл и др.). Сюжет легенды основан на коллизии личного, индивидуального интереса и установленной системы ценностей, миропорядка. Главный герой, обладающий неким избыточным качеством, вступает в конфликт с системой, запрет, герой нарушает его; кульминация изображает грозящую ему вследствие этого опасность, а развязка использует мотивы наказания, возмездия или же чудесного спасения путем возвращения к традиции (С. 135-137). Одной из главных категорий легенды является чудо, показанное правдоподобно. Хронотоп легенды актуализирует типичные для агиографической и фольклорной легенды признаки. Художественное пространство служит не только местом действия, но и материальным знаком воплощения традиций, а также концентрирует в себе память поколений (С. 138).

Также делается заключение, что для легенд Нового времени характерно одновременно тяготение к классическому образцу и тенденция к деканонизации жанра.

Во второй главе «Легенда в системе малых жанров второй половины XIX в.» исследуются разножанровые тексты одних и тех же авторов. Это позволяет определить место легенды среди жанров малой прозы той или иной авторской жанровой системы. Материалом послужили легендарные циклы Г. Келлера, Ф. Брет-Гарта и Д.Н. Мамина-Сибиряка. Проанализированы особенности конфликта, сюжета, хронотопа и фигуры повествователя, обладающие дифференциальной значимостью (С. 139-140).

В разделе «Легенды и новеллы Келлера» Тулякова Н.А. рассматривает известные циклы швейцарского писателя «Люди из Зельдвилы» и «Цюрихские новеллы», посвященные, в основном, трагическим последствиям отпадения человека от общины, в чем прослеживается, кроме прочего, швейцарская национальная составляющая (автор видит «в пространственной организации новелл Келлера аллегорическое изображение демократического общества».

С. 149).

Новеллы посвящены одной местности (С. 142-143), показанной архетипически, и героям, часто похожим между собой. Тулякова Н.А. отмечает, что, фактически, новеллы Келлера представлены в *легендарном* облики (С. 152): «время нарратора неотличимо от времени героев, даже когда описывается далекое прошлое» (С. 154). Кроме того, внутренний мир персонажей не изображается, а лишь выводятся определенные закономерности, присущие человеческой природе

Цикл Келлера «Семь легенд» содержит истории христианских святых и простых женщин, которым помогает Дева Мария. Примечательно смещение акцента, характерное для протестантского контекста: «Дева Мария у него (Келлера), в полном соответствии с теорией Л. Фейербаха, – возлюбленная и мать, богиня естества, любви, человечности, свободы от догм и запретов» (С. 163-164). Однако для легенд создателя знаменитых прозаических циклов, характерна *новеллизация*: Келлер в большей степени использует возможности, связанные с чужим словом, чем переходы от одной точки зрения к другой (С. 178). Так, легенды и новеллы автора нельзя жестко отделить друг от друга.

Новеллы Б. Гарта, посвященные жизни обитателей фронта, несколько схематичные и тривиальные по сюжету и построению, посвящены теме поиска справедливости. Рассказчик занимает активную позицию и при помощи природных образов, воплощающих высшую объективность, правдоподобие, (параграф **«Легенды и новеллы Брет Гарта»**).

Тулякова Н.А. вновь подчеркивает существование диффузии между новеллистическим и легендарным началами: «живучесть» сквозных персонажей Гарта придает им неожиданное свойство – *легендарность*. Умерший в одном рассказе, герой продолжает жить в другом (С. 215).

В разделе **«Легенды и святочные рассказы Мамина-Сибиряка»** исследовательница рассматривает типичные для русской литературы рубежа веков жанры, которые имеют фольклорно-религиозную природу. Подпараграф

корреспондирует с предыдущим, так как уральские сказания русского прозаика можно сопоставить с американскими легендами фронта в их религиозно-деловых и в исторических проявлениях (С. 236). Однако Гарт выбирает гораздо более широкую перспективу, осмысляя процесс завоевания края и взаимодействия в нем разных культур (испанской, англосаксонской, коренной американской). Мамин-Сибиряк также описывает экзотическое в культуре Севера: многоженство, неравные в возрастном отношении браки, жестокость по отношению к врагу, мощное родовое начало, особое понимание времени (С. 239), но *речевая организация* святочных рассказов Мамина довольно *однородна*. Тулякова Н.А. отмечает стремление Мамина-Сибиряка к бытовому повествованию (С. 245), обращение к синхронному слогу (говорил, смотрел, и т.д.), стилизации (С. 254), отказу от персонифицированного рассказчика (С. 256).

Глава в значительной степени укрепляет высказанные выше теоретические положения, а работа с конкретным материалом позволяет выявить особенности легенд исследуемых авторов в контексте *более значимого* для них новеллистического творчества.

Третья глава **«Жанровые формы литературной легенды в XIX в.»** иллюстрирует возможности жанра легенды как *индивидуального произведения*, части в составе *связанного* цикла, *несобранного* цикла, *разножанрового* цикла, а также как *интекста* и *крупного прозаического произведения*.

В каждом из подразделов первого параграфа анализируются несколько произведений, представляющих одну национальную культуру. «Легенда» А. Герцена является, скорее, исключением для автора, воспевшего идею поиска социальной справедливости. Легенды Кукольника вводит религиозные мотивы и образы в историческое или фольклорное повествование.

Подразделы, посвященные «Легенде замка с привидением» (С. 275-276) и «Легенде о любви», представляют меньший интерес, что связано с беллетризованностью самого материала и торопливым анализом текста.

Тулякова Н.А. отмечает *вторичную природу* одиночных легенд, для которых типично использование техники других жанров для восстановления «некогда известной» истины, прежде всего новеллистической, позволяющей скрывать часть информации от читателя, заставляя его вновь заинтересоваться старым сюжетом (С. 277).

В разделе **«Легенда в составе связанного цикла»** анализируются «Легенды Губернаторского дома» Н. Готорна, который «прячется» от современности в мире прошлого, населив его старинными историями и преданиями (С. 279). Он представлен в работе и как автор, и как исследователь феномена. Форма связанного цикла позволяет Готорну продемонстрировать, как рождается легенда и как она приобретает завершенность.

«Легенды о Христе» С. Лагерлёф описывают жизнь Христа глазами «неожиданных» свидетелей. Как и в «Легендах Губернаторского дома», значимой является устная передача легенд, обработка которых не умаляет их правдивости, а повышает ее.

Делается вывод, что, «не повторяя канон религиозной легенды, данные циклы используют библейскую образность и топику, демонстрируя образцы жанра, подвергшиеся активной авторской рефлексии» (С. 305).

Раздел **«Несобранные циклы легенд»** посвящен творчеству Н.А. Полевого, Г.А. Беккера и Н.С. Лескова. Данные произведения представляют собой повествование романного типа: земные персонажи становятся проекцией библейских героев, вымышленные факты подаются как *объективные*, акцентируют авторскую мысль (С. 301).

В разделе **«Легенда в составе полижанрового цикла»** рассматриваются циклы с гетерогенной жанровой природой, куда входят и легенды. Это – «Перламутровый ларец» А. Франса, состоящий из легенд, новелл и рассказов с разной жанровой поэтикой и «Грезы и тени» А.В. Амфитеатрова» (наброски, сказки, легенды, фантастические рассказы), объединенные общими мотивами и

образами. Полижанровые циклы позволяют представить похожие сюжеты с *разных точек зрения*, ввести полифонизм, полилог.

Очень интересным выглядит параграф «**Легенда как интекст**», посвященный, в частности, травелогам. «Финская легенда» В.Ф. Одоевского, включенная в повесть «Саламандра», повествует о событиях Северной войны как о *мифических*. Легенды в «Альгамбре» В. Ирвинга становятся тем жанром, который для американского путешественника воплощает романтическое и сказочное начало и представляют подлинный фольклор, который способен передать *дух места*.

В. Гюго в травелоге «Рейн» концентрируется на *пейзаже*, характерном для чужой далекой страны. Благодаря «любопытству путника книга-паломничество, включающая отчет о посещении святых мест (церквей, монастырей), и сообщение связанных с этими местами легенд религиозного характера воссоздается легендарное пространство» (С. 36). Например, Э. Сьюэлл в романе «Впечатления от Рима, Флоренции и Турина» (*Impressions of Rome, Florence, and Turin*, 1862) сумела глубоко передать атмосферу далекого мира. Гюго также включает несколько топонимических и сказочных легенд в сборник, вызывая ностальгию по старой Европе, полной сказок и преданий (С. 356). В травелоге М. Твена «Пешком по Европе» *баланс между правдоподобием документальной прозы и свободой беллетристики* представляется характерной чертой стиля писателя.

Последняя часть главы становится смысловой доминантой работы. В ней анализируются «Легенды революции» и «Легенды Мексики» Дж. Липпарда, обратившегося к *историческому потенциалу* жанра, процессу *мифологизации истории*. Автор делает акцент на повторяемости и предопределенности событий, связи между бытовым и библейским уровнями существования. Тулякова Н.А. делает предположение, что легенда в своем пределе может быть родственна мифу.

Так, Ш. де Костер в знаменитой «Легенде об Уленшпигеле» создает романизированный миф о бельгийской истории. Кроме того, автор демонстрирует

постоянную смену жанровых поэтик, типичных для разных эпох, что требует от читателя и исследователя понимания и знания литературного процесса. Жанр «Легенды» Стриндберга определяется в работе как *роман-постижение*. Это, по мнению Туляковой Н.А., роман о внутреннем мире, а не о предназначении героя, его миссии; пре-сюрреалистический текст (С. 284).

Нельзя не согласиться с выводом о том, что для всех крупных легенд, независимо от выбора предмета изображения, характерно эксплицированное соотнесение персонажей с героями священной истории.

В **Заключении** работы автор подчеркивает, что разнообразие форм литературной легенды связано с особенностями формирования жанра, его возникновения и эволюции, которые были во многом *стихийными*. Отмечается большая *степень вариативности* в выборе формы легенд.

Однако есть ряд технических замечаний и вопросов, которые возникают при прочтении труда. В работе есть повторы (С. 90-91 и др.); отмечается однообразие в названиях подпараграфов; в работе присутствуют спорные обобщения (например, «<...> таким образом, немецкая традиция восприятия легенды в XIX в. отличается консервативностью» (С. 74)) и др.; в названии работы можно было бы конкретизировать период, к которому относятся основные рассмотренные произведения, – XIX век; некоторые приведенные в лингвистической части значения слова *легенда*, например, в современных словарях русского языка, кажутся избыточными (С. 80-83).

Вызывает вопросы *принцип* отбора материала, даже, если принять во внимание наличие жанрового маркера в названии: почему именно эти разные по значимости, художественной ценности тексты стали предметом рассмотрения? И далее, почему в практической части не представлены английские авторы; немецких писателей в практической части также нет, а швейцарской литературе уделено внимание? (Г. Келлера можно было бы сравнить с И. Готхельфом, «Черный паук» которого является классическим примером легенды как интекста).

Продолжая данную мысль, хотелось бы получить разъяснение, было ли обращение к текстам очень разного художественного уровня намеренным (например, сложно сравнить значение творчества Гюго, Костера, Франса с Гарттом, Лагерлёф и другими менее значимыми авторами)?

Можно ли считать стилизацию «чистым» проявлением жанра? Не вытесняет ли попытка стилизации легенду в поле массовой (назидательной, этнографической, неоготической, исторической) литературы?

Как объяснить внимание к текстам отдельных русских авторов, которые не обращаются к экзотическим реалиям, интересным для сравнения с другими исследуемыми произведениями, или к сюжетам европейской истории, являющимися предметом главного интереса исследовательницы?

Можно ли еще раз сформулировать принципиальное отличие мифа и легенды; разграничить легенду, сказку, сказание, былину, притчу? Пояснить термин «жанровый потенциал» и его роль в работе?

Видит ли автор работы развитие исследуемого жанра в новейшей фэнтезийной литературе, влияющей на кинематограф, область компьютерных игр и другие сферы культуры, даже быта?

Все замечания носят частный характер. Диссертация Н.А. Туляковой является самостоятельным, фундаментальным, методологически выстроенным, глубоко продуманным исследованием. Работа написана на высочайшем профессиональном уровне, имеет большое теоретическое и практическое значение, обладает прекрасной доказательной базой и содержит богатый иллюстративный материал. Автореферат полностью отражает содержание диссертационного исследования, список опубликованных работ дает представление об основных положениях, представленных в исследовании.

Диссертация Туляковой Натальи Александровны «Поэтика и эволюция жанра литературной легенды» соответствует критериям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства № 842 от

24.09.2013 г.), ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук по специальности
10.01.03 Литература народов стран зарубежья,
доцент ВАК, профессор, ведущий научный сотрудник
международной научно-исследовательской лаборатории
«Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной
идентификации» Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»

Аверкина Светлана Николаевна

14 сентября 2024

Подпись *Аверкина СВ*
ЗАВЕРЯЮ
Специалист по кадрам *СВ*
«14» 09 2024 г.

Контактные данные:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Адрес: 603115, Нижний Новгород, ул. Минина, 31-а

Телефон: +7 9030529469

Электронная почта: averkina.svetlanalunn@mail.ru